



С.В. Голубев

Происхождение и сущность власти в свете современной науки и философии

Исследование власти в настоящее время – одна из самых актуальных проблем социальной науки. Это проявляется, в частности, в том, что изучению власти уделяется весьма значительное внимание не только в политологии, но и в социологии, психологии, социальной психологии, антропологии. В рамках последней конституировалась даже самостоятельная дисциплина – политическая антропология, специально занимающаяся анализом происхождения и форм организации власти в примитивных обществах, общие результаты которого должны, очевидно, представлять немалый интерес для собственно философского осмысления феномена власти, во всяком случае, если исходить из принципа: сущность раскрывается в происхождении.

Стоит заметить однако, что для отечественного обществоведения, в особенности советского периода, характерна разобщенность философских и политантропологических исследований власти, когда первые осуществляются в рамках эмпирически не подтверждаемых, псевдотеоретических, по сути, построений, а вторые не имеют адекватного методологического и понятийного инструментария для соответствующей концептуализации собственных обобщений и выводов.

Что касается философского осмысления власти, то оно сегодня исходит, как правило, из весьма специфического круга понятий: сила, насилие, навязывание воли, господство, собственность и т.п. Соответственно, власть понимается как феномен, имеющий конфликтную природу и являющийся более или менее произвольным продуктом индивидуальной воли. Власть также оказывается *привилегией* (почему за нее и *борются*), средством «эксплуатации», а властные отношения дериватом «экономического базиса», отношений собственности.

Крайний случай подобных представлений – марксистская теория. Схожие, в принципе, взгляды развиваются и в либеральной версии происхождения и сущности власти. Наиболее известный пример – понимание власти как «возможности навязать свою волю», разработанное М. Вебером и служащее концептуальной основой для большей части предлагаемых в современной философской литературе определений этого феномена.

Но как бы ни было популярно подобное понимание власти, приходится констатировать, что необходимой эмпирической базы в данных политантропологической науки оно не имеет. Результаты, полученные политантропологами в ходе «полевых» исследований, вполне убедительно свидетельствуют об отсутствии в примитивных сообществах таких феноменов, как «господство», «навязывание воли» и т.п. Так, в африканском племени Ньямведи «вождь нес ответственность за все происходящее в жизни социума... раньше в случае засухи вождя били до тех пор, пока у него не начинали течь слезы, считая, что это должно способствовать выпадению осадков» [1].

У австралийских аборигенов так: «Прежде чем стать знахарем или главой общины, сын или племянник прежнего главы или знахаря должен был дока-

зять свою пригодность для соответствующей роли и получить признание в коллективе (подчеркнуто С.Г.), в противном случае искали другого преемника» [2]. Известный российский политантрополог Н.Н. Крадин говорит о взаимоотношениях между общиной и вождем в других племенах: «многие вожди банту были убиты за притеснения своих соплеменников. Если вождь не прислушивался к советам старейшин, пытался изменить традиции, нарушал табу или совершал убийства, его могли заменить (ашанти, йоруба и эмба). Многие из гавайских вождей также были убиты за то, что притесняли простых общинников. Последние признавали права своих вождей на некоторую долю произведенного продукта, однако настаивали на соблюдении «справедливости» в подобных отношениях» [3].

Приведем и некоторые исторические примеры, характеризующие отношение к носителям высшей власти в различных обществах. Т.Я. Елизаренкова, переводчик и знаток «Ригведы», пишет о соответствующих обычаях древних индоевропейских племен: «Во главе племени стоял царь... функции царя заключались в том, что он организовывал магические жертвоприношения... устанавливал и поддерживал общественный порядок внутри племени; защищал свою территорию и расширял ее пределы... царя могли и выбирать, неудобного царя могли сместить. Власть царя была ограничена собранием» [4]. Известно, что и у древних римлян власть царей была ограничена сенатом, то есть собранием старейшин, а затем вообще была устранена. У спартанцев цари были только выборными военачальниками, а вообще в Древней Греции высшим органом власти являлось народное собрание, то же у древних германцев. Конунги викингов также выбирались и даже могли быть принесены в жертву в случае тяжелых бедствий, постигавших общину [5]. Хорошо известно и летописное свидетельство о «призвании варягов» на Русь.

По поводу последнего стоит сказать, что вне зависимости от того, кто прав в дискуссии специалистов-историков о том, имел ли место сам факт «призвания», данное летописное свидетельство само по себе говорит о том, как понимали современники летописца происхождение и сущность власти, которую они *призывали* для установления *наряду – порядка*. Это понимание как раз и зафиксировано летописью в качестве непреложного эмпирического факта. Заметим также, что случаи принесения в жертву вождей, отмеченные и у африканских племен и у викингов, являются, по-видимому, крайними проявлениями общечеловеческого архетипа восприятия носителя власти как того, кто *несет ответственность* за состояние дел в группе.

Все это свидетельствует о том, что обладание властью воспринимается, более или менее осознанно, как тесно сопряженное с необходимостью «думать» (то есть, собственно говоря, *заботиться*) не только о себе, но и о группе в целом. Именно поэтому власти не только ищут, но и избегают, особенно тогда, когда обладание ею не связано непосредственно с получением материальных благ или престижем. Это едва ли не столь же распространенный эмпирический факт, как и перекладывание ответственности на «вышестоящего». Реальная жизненная практика знает немало примеров отказа от должности руководителя, как и примеров *принуждения* к занятию руководящего поста.

Факт «избегания» власти, если принять, что человек, по сути своей, стремится подчинять других своей воле и занимать господствующее социальное положение, приводит понимание власти как возможность «проводить свою волю», «господствовать» к противоречию с реальной жизнью и логикой. При таком подходе получается, что субъект, избегающий власти, направляет свою волю против «возможности проводить свою волю». На наш взгляд, этот факт сам по себе говорит о том, что власть в общем смысле не может быть понята как «господство», «навязывание воли» и т.п.

То, что власть воспринимается в сопряжении с ответственностью, приводит, поскольку понятие ответственности сопряжено с понятием обязанности, к пониманию власти не столько как привилегии *права*, сколько как *обязанности*. А обязанности как раз часто и избегают, поэтому *по справедливости* ее исполнение должно вознаграждаться. Неудивительно поэтому, что «простые общинники» на Гавайях «признавали права своих вождей на некоторую долю продукта». Это право вождя является необходимым следствием его обязанностей и соответствует общей диалектике прав и обязанностей, находящей свое выражение в практике народной мудрости «кому много дано, с того много и спросится», что предполагает и обратное: «тому, с кого много спросится, должно быть много и дано».

Эта диалектика делает вполне логически обоснованным предположение, что привилегии, связанные с исполнением руководящих обязанностей, изначально были не «завоеваны в борьбе за власть» субъектом (субъектами), «навязавшим свою волю» группе, а *предоставлены* группой. Необходимость такого предоставления была обусловлена сочетанием двух факторов: во-первых, объективной необходимостью осуществлять организационные, контролирующие и представительские, то есть руководящие, властные функции; и во-вторых, неизбежными трудностями с «замещением вакансий», возникающими в силу наличия у членов сообщества практического понимания того, что исполнение властных функций требует не только соответствующих способностей, но и затрат личного времени и сил на «общественные дела» в ущерб собственным. Другими словами, если бы исполнение властных обязанностей не вознаграждалось, то носитель власти был бы поставлен в заведомо худшие условия существования, чем другие члены сообщества, что неизбежно привело бы к ненадлежащему отправлению организационных и контролирующих функций в данном сообществе, и в итоге, к его неминуемому распаду.

То, что власть, в сущности своей, не является продуктом человеческой воли, изначально не имеет персонифицированного характера и выступает для своего носителя скорее в качестве обязанности, чем привилегии, проявляется и в том, что, по свидетельству Л.Е. Куббеля, в примитивных обществах правитель часто «оказывается как бы заложником общества», и «правильнее будет говорить о власти коллектива, реализуемой через авторитет индивида, выполняющего функции лидера в данной конкретной ситуации» [6].

Многочисленные эмпирические исследования политантропологов, проведенные в XX веке, убедительно показали также, что власть не конституируется в рамках «экономических», производственных отношений, не возникает, да, по существу, и не может возникнуть на основе собственности. Установлено, что «сложная иерархическая организация власти возникла задолго до появления частной собственности» [3, с. 85]. Это подтверждается многими конкретными фактами. По свидетельству Дж. Шапиро, «у южноафриканских банту вождь не имеет ничего своего, все, чем он владеет, принадлежит племени» [1, с. 118]. В.В. Бочаров отмечает, что у племен Восточной Африки собственность вождя «считалась общеплеменным достоянием и в случае необходимости использовалась в интересах всего общества» [1, с. 124].

Авторитетный российский политантрополог В.А. Попов в работе, специально посвященной анализу социально-экономического содержания главного ежегодного праздника в доколониальной Дагосе, пишет: «Естественно, что все доходы вождей и правителей рассматривались в качестве общественного достояния (или, чаще всего, как собственность предков) и поступали в общий фонд (казну) данного этнополитического организма, а сами вожди и правители не имели права полновластно распоряжаться казной, тем более в своих личных интересах. Казна расходовалась только на нужды этнополитического

организма в целом» [7]. И такое отношение к собственности было присуще довольно развитому обществу, находящемуся по квалификации политантропологов на предгосударственной или даже раннегосударственной стадии. Далее Попов говорит, что «традиционное мировоззрение общинников у всех народов Верхней Гвинеи негативно рассматривало экономическое превосходство отдельных членов общины над остальными. Их могли обвинить в колдовстве – самом серьезном преступлении перед традиционным обществом. Другими словами, социальный организм имел возможность свести на нет любую форму накопления и потребления вне рамок установленного порядка» и «конкретный механизм редистрибуции был так отрегулирован, что почти не зависел от воли вождя» [7, с. 325, 328].

То же самое показывает на австралийском материале О.Ю. Артемова: «Насколько нам известно... никогда обладание какими-либо материальными ценностями не давало высокого статуса. Социальные нормы, а также господствовавший в австралийских коллективах психологический климат жестко препятствовали накоплению отдельной личностью или группами людей с высоким статусом сколько-нибудь значительного количества вещей или пищи, даже когда *объективные условия* позволяли», и о дарах людям с высоким статусом: «обычно все эти подарки раздаривались» [2, с. 51, 50].

Весьма показателен в плане характеристики отношения к собственности в примитивном сообществе повсеместно распространенный в нем обычай «потлача». Во внутриобщинных отношениях «потлач» как обмен подарками фактически оказывается раздачей более богатыми членами общины части своего имущества менее состоятельным членам. Как пишет В.А. Попов, «один из основных принципов потлача – обязательность (для вождей и знати. – С.Г.) ответной, еще более щедрой акции» и далее «утвердилось также представление об обязанности (подчеркнуто С.Г.) богатых одаривать и о привилегии «нижестоящих» пользоваться щедрыми дарами. Без раздаривания подарков и других подобных акций невозможно сохранить авторитет и власть. Демонстративная щедрость – эталон социального поведения знатного лица и вождя» [7, с. 324]. Нередки в примитивном обществе, по наблюдениям антропологов, и случаи демонстративного уничтожения накопленных материальных благ, тоже являющиеся едва ли не обычаем [3, с. 78]. Поэтому вопреки «кабинетным» представлениям можно сказать, что не накопление, а демонстративная раздача и даже уничтожение имущества были важнейшим для архаического общества средством, помогавшим индивиду обрести престиж, а значит и власть. И дело здесь не только в том, что *справедливое* (\approx уравнилельное) распределение добычи было необходимым условием выживания группы и предотвращения конфликтов внутри нее, и не в том, что обладатель «богатства», не поделившись им, ставил под угрозу не только свое имущество, но и свою жизнь. Для любого примитивного сообщества фундаментальным условием существования является, очевидно, «вписанность» в определенную экосистему. Ясно, что для того, чтобы давление на эту систему не превысило допустимого, численность сообщества не должна выходить за определенные пределы. Но не менее ясно и то, что выход оказываемого группой давления на экосистему за допустимые пределы, может быть (и обязательно будет!) результатом не только роста численности группы, но и результатом роста потребления «вещества природы» ее членами, даже если численность группы не увеличивается (уменьшается). По существу, здесь чисто физическая зависимость – данная территория (экосистема) может предоставить данное количество пространства, «вещества и энергии», обеспечивающее «*прожиточный минимум*» для данного количества индивидов данного вида. Нарушение предельно допустимой концентрации индивидов не оставляет альтер-

нативы: их численность должна сократиться, либо путем миграции, либо... К той же альтернативе приводит и выход потребления за пределы «прожиточного минимума», даже при сохранении численности группы.

Соответственно, для архаического общества наличие механизмов, препятствующих накопительству, по сути, является необходимым условием существования.

Другими словами, общество изначально должно располагать эффективным средством предотвращения концентрации материальных благ в «частной собственности» и подавления того, что сегодня называется *потребительством*. В противном случае любое примитивное сообщество, даже не увеличивая свою численность, неизбежно выйдет за пределы допустимого давления на среду обитания. Общим средством стимулирования соблюдения «прожиточного минимума» является опирающаяся на религию мораль, специальным средством, характерным, в той или иной форме, для всех примитивных обществ, механизм – «потлача», раздаривание и даже уничтожение материальных благ.

В целом можно сказать, что единственно возможной, в прямом смысле слова, жизненно необходимой «формой собственности» в обществах традиционного типа, вплоть до относительно высоких стадий развития, могла быть только коллективная, общинная собственность. Не случайно, согласно представлениям традиционного общества, не только у примитивных племен, но и в античности, в средневековом обществе лицам высокого статуса, аристократии вменялась в обязанность демонстрация щедрости, если не презрительно-го, то равнодушного отношения к накоплению имущества.

Вообще говоря, рассуждения о происхождении и сущности власти, связывающие ее с собственностью и/или навязыванием воли, распространенные в социальной науке в отношении примитивных обществ, в значительной степени обусловлены, может быть, и неосознанной, но модернизацией, рассмотрением архаических общественных отношений и сознания с точки зрения современного западного менталитета и системы ценностей. Как говорит В.В. Бочаров, «наивный рационализм» и среди современных ученых имеет довольно широкое распространение» [1, с. 35]. По его мнению, в политантропологических исследованиях это часто приводит к «перекодировке» представлений, свойственных примитивным сообществам, на язык европейской культуры и, в результате, к «навязыванию» этим представлениям «содержания, которого у них попросту не могло быть» [1, с. 81].

Относительно власти не понятно, как она могла возникнуть на основе субъективных устремлений к «собственности» или «навязыванию воли», если коллектив, как установлено, «жестко пресекал» любые отклонения от общепринятых норм. Напротив, очевидно логически и, сколько можно судить по эмпирическим данным, примитивные общинники не стремились к «частной» собственности как таковой, да и не могли стремиться, потому что не имели о ней понятия, ее просто не существовало в их мире. Они хотели уважения, престижа, т.е. признания другими, группой, ценности их личных качеств – смелости, щедрости, знаний и т.п., и вряд ли хотели «навязывать свою волю», поскольку не обладали представлением о своей воле, а воспринимали себя как часть рода. И это без учета обязательной включенности каждого в сакральное, коренящееся в культе предков единство, что, в принципе, препятствовало личностному обособлению как таковому, не говоря уже о личном обогащении или произволе.

Таким образом, можно сделать вывод, что конфликтно-индивидуалистические трактовки происхождения и сущности власти, в свете новейших конкретно-научных исследований не только не находят эмпирического подтверждения, но и оказываются в принципе не адекватными, так как оперируют несоответствующими действительному положению дел понятиями средствами. Важнейшая задача собственно философского осмысления власти сего-

дня, следовательно, заключается, прежде всего, в том чтобы разработать понятийный аппарат, пригодный для ее объективного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бочаров, В.В.** Власть. Традиции. Управление / В.В. Бочаров. – М., 1992. – С. 109.
2. **Артемова, О.Ю.** Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной организации / О.Ю. Артемова. – М., 1993. – С. 51.
3. **Крадин, Н.Н.** Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – М., 2001. – 133 с.
4. **Елизаренкова, Т.Я.** «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV / Т.Я. Елизаренкова. – М., 1989. – С. 448.
5. **Джонс, Г.** Викинги / Г. Джонс. – М., 2004. – С. 29, 74, 145.
6. **Куббель, Л.Е.** Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Е. Куббель. – М., 1988. – С. 106–116.
7. **Попов, В.А.** «Хождение в Абомей в сухое время года», или К вопросу об инверсиях полюдья // Ранние формы политической организации / В.А. Попов. – М., 1995. – С. 321.

S U M M A R Y

With the help of the facts of political anthropology, the origin and essence of power are reviewed in this article. The conceptual inability of its conflict and individualistic interpretation is also shown.

Поступила в редакцию 17.05.2008